

Литература

1. Мы – русские! С нами Бог! Жизнь и подвиги великого русского полководца А.В. Суворова и составленный им Покаянный канон.- М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003.-256 с.
2. Г.А. Гребенников «Заступники Руси Святой». Издательство «Благо», 2004.-176 с.
3. Д.А. Емец «Дмитрий Донской». Издательство Сретенского монастыря, 2001
4. «Спутник паломника». Трифонов Печенгский монастырь.- М.: Издательство «Ковчег», 2002
5. Праведник наших дней. Белгородский старей архимандрит Серафим (Тяпочкин). Составитель протоиерей Николай Германский. -п. Ракитное: Белгородская и Старооскольская епархия, 2003.-144 с.
6. Н.М. Никольский. «История Русской Церкви».- М.: Издательство политической литературы, 1998.

Домановский А. Н.

Харьковский национальный
университет им. В. Н. Каразина

ФИЛОСОФИЯ ЭТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ВИЗАНТИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА

Изучая историю экономики, особенно если это история экономики социума, значительно отличающегося от того общества, в котором повседневно живет исследователь, постоянно приходится учитывать не только объективно складывающиеся экономические условия, подчиняющиеся основным экономическим законам и, следовательно, на основании этих законов постигаемые, но и то, как к объективным экономическим процессам и явлениям относились их современники, живые люди, включенные в великие экономические структуры трудов по экономической теории. Определяющим, таким образом, становится изучение «экономического мировоззрения» включенных в «объективную» экономику людей и влияния этого мировоззрения на эту самую экономику. Для всех эпох, предшествующих периоду Просвещения с его тотальным культом рационализма (а во многом и вплоть до наших дней включительно) экономическое мировоззрение является неразрывно связанным с мировоззрением религиозным, поскольку именно последнее было основной формой осознания и определения человеком своего места в мире.

Безусловно, изучение «экономического мировоззрения» является веянием относительно новым, несмотря на то, что его зачатки можно проследить уже в XVIII в., а свое первое ярко выраженное теоретическое воплощение оно получил в начале – первой половине XX в. Дело в том, что лишь к последней

трети прошлого столетия данный теоретический подход стал повсеместно распространенным и широко популярным, и начал применяться не только на сугубо теоретическом уровне либо отдельными выдающимися учеными, но и широким кругом исследователей на значительном по объему, временному и пространственному охвату конкретно-историческом материале.

Если конкретизировать вышесказанное и говорить о конкретных персоналиях и исследовательских направлениях, мы неминуемо должны будем упомянуть фундаментальную работу Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (1906 г.) [2], ставшую, по сути, эталонной для данного направления, а также примыкающие к ней исследования ученого по истории хозяйственной деятельности человечества. Почти одновременно с ней появились также работы Сергея Булгакова «Философия хозяйства» (1912 г.) [1] и Вернера Зомбарта «Буржуа» (1913 г.) [3].

За период своего почти столетнего существования названные работы вызвали к жизни несметное количество эпигонской, критической, популяризаторской и прочей литературы. Не замедлили появиться и специальные исследования, на «живом» конкретно-историческом материале применявшие предложенные подходы и методики. И первыми историками, активно применившими эти методы, стали именно медиэвисты – профессиональное сообщество историков, оказавшееся наиболее восприимчивым к альтернативным методам и методикам познания исторической реальности на протяжении практически всего XX в. Наиболее органично новые подходы были восприняты известной французской школой «Анналов», насчитывающей на сегодняшний день уже около пяти сменявших друг друга поколений историков.

Очевидно, что именно этих исследователей нужно считать людьми, которые своими трудами задали тон, направление и общие идеи исследованию, которое мы собираемся предпринять. Но, как несложно заметить, никто из них не обращался к изучению религиозного экономического мировоззрения византийцев, и, следовательно, у нашей работы были и более близкие по тематике предшественники. К сожалению, их было не так уж много. Если западноевропейское средневековье и новое время получили достаточно полное и почти всестороннее освещение в трудах историков, то история Византии незаслуженно и по инерции долгое время оставалась на периферии. Она изучалась устаревшими методами, которые хотя давали ценные фундаментальные результаты, но не могли приблизить исследователей к качественному пониманию византийской экономической истории. Пожалуй, не слишком большой натяжкой будет считать, что первые серьезные попытки создания исследований в интересующей нас плоскости приходится на 60-е – 70-е гг. XX в., а первые значительные (и, тем не менее, во многом предварительные) результаты достигаются лишь в 1990-е годы.

Итак, зарождение и развитие направления византистики, изучающего взаимовлияние религиозного мировоззрения византийцев и византийской экономики приходится приблизительно на последнее тридцатипятилетие. У его истоков стояли такие признанные во всем мире авторитеты, как М. Я. Сюзюмов

[14, с. 2-30; 15, с. 33-49], А. П. Каждан, Э. Патлажан, Г. Г. Литаврин, Ж. Дагрон, Ангелика Лайу, Н. Икономидис, М. А. Поляковская, А. А. Чекалова [см. особенно: 7], К. В. Хвостова и некоторые другие исследователи. В последнее десятилетие значительный вклад в это направление сделан С. Б. Сорочаном. Особого упоминания заслуживает совместная статья А. Н. Марченко и А. З. Нюркаевой [5, с. 175-182]. Безусловно, в значительной мере все упомянутые исследователи опираются на богатое наследие византинистов конца XIX – первой половины XX в., некоторые из которых значительно приблизились к постановке данной проблемы. Наиболее ярко это видно на примере работы А. П. Рудакова «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии», увидевшей свет уже в 1917 г. [8]. Как представляется, столь ранний прорыв в данном направлении стал возможным для А. П. Рудакова благодаря специфике предмета, которым он занимался и источников, которые он использовал. Действительно, византийская агиография, обильно вобравшая в себя как мировоззрение эпохи и содержащая сочный материал по истории социально-экономических отношений, представляет, пожалуй, наилучший материал для реконструкции философии этической экономики раннесредневекового византийца [см.: 26, р. 303-330; 27, р. 11-35].

К сожалению, перечисленными исследователями данное направление и ограничивается, и те из них, которые продолжают активно действовать, задают в нем тон, характер и направление исследований. В последнее время наиболее активной из них является К. В. Хвостова [16, с. 32-48; 17, с. 5-14; 18; 19, с. 181-195; 20, с. 128-136; 21, с. 24-34; 22, с. 52-61; 23; 24, с. 189-198]. Эта исследовательница изучает проблему на основании поздневизантийских источников. Последнее обстоятельство, между прочим, делает избранную нами тему оригинальной, поскольку мы имеем намерение опираться на ранне- и средневизантийский материал. Им, правда, оперировали другие (не)названные исследователи, в частности, С. Б. Сорочан [10; 11, с. 92-101; 12, с. 300-319; 13, с. 122-132] и А. Лайу, написавшая главу «Экономическая мысль и идеология» в последнем значительном обобщающем издании по истории византийской экономики (у нее см. также соответствующие ссылки на иностранную литературу) [25, р. 1115-1136]. Однако, как и многие другие исследователи, эти авторы в большинстве случаев не ставили перед собой тех конкретных задач, которые ставит перед собой автор, и касались интересующих нас вопросов похода, в связи с решением иных проблем.

Наконец, остановимся вкратце на том, что мы понимаем под философией экономики и этической экономикой (экономией), и, следовательно – под вынесенной в название работы философией этической экономики в раннесредневековой Византии. Не мудрствуя лукаво, позаимствуем эти определения из последних известных работ философов – А. И. Самсина и П. Козловского. Под философией экономики, следовательно, нами будет пониматься «философское учение об экономической реальности», направленное «на осмысление основ экономического бытия как одной из важнейших сфер человеческой жизни и общества» [9, с. 9, 10]. Под этической же экономикой мы понимаем, вслед за несколько вольно интерпретированным

П. Козловским, синтез экономической и этической теории (этическая экономия по П. Козловскому) и, одновременно, синтез экономической и этической практики – этическая экономика по нашему определению [4, с. 66-88]. Как представляется, «этическая экономика» – понятие несколько более широкое, чем «этическая экономия», причем эти два понятия в какой-то мере соотносятся подобно понятиям «философия экономики» и «экономическая философия» [см. 9, с. 9].

Таким образом, для того, чтобы определить содержание темы исследования, достаточно совместить и обобщить два приведенных выше определения. Единственное замечание, которое необходимо сделать в связи с этим, состоит в том, что, в Византии так и не было выработано некоего единого свода канонических текстов, посвященных сугубо «философии этической экономики». Вероятно, именно из-за этого даже профессиональные философы, упоминая в своих работах об Индии и Китае, о Византии умалчивают [9, с. 18-20]. В связи с этим нам придется провести нелегкую работу по сбору разрозненных свидетельств, в которых тем или иным образом будут «просвечивать» редкие и оттого еще более ценные крупинки свидетельств о философии этической экономики в раннесредневековой Византии. Именно этим, кстати, и объясняется необходимость вести речь не об этической экономии, а об этической экономике, и тем самым несколько дополнять П. Козловского, сменяя акценты.

Итак, исследование, которое мы собираемся предпринять, является попыткой реконструкции экономического сознания и культуры раннесредневекового византийца. Поскольку же в нем будет изучаться проблематика человека в его взаимодействии с экономической системой, формируемой людьми и формирующей людей, с философской точки зрения его предмет может быть определен как философская экономическая антропология [см.: 6; 9, с. 165-169].

Литература

1. Булгаков С. Н. Философия хозяйства / Изд. подгот. В. В. Сапов. – М., 1990.
2. Вебер М. Протестантська етика і дух капіталізму / Перекл. з нім. О. Погорілій. – К., 1994.
3. Зомбарт В. Буржуа / Пер. с нем. Ал. З., Под. ред. Л. Раевского; Предисл. С. Членова. – М., Б. г.
4. Козловский П. Этическая экономика как синтез экономической и этической теории // ВФ. – 1996. – № 8.
5. Марченко А. Н., Нюркаева А. З. Этика труда по Книге Эпарха // Античность и средневековые Европы. – Пермь, 1994.
6. Очерки экономической антропологии. – М., 1999.
7. Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы. – Свердловск, 1989.
8. Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. – СПб., 1997.

9. Самсин А. И. Основы философии экономики. – М., 2003.
10. Сорочан С. Б. Византия IV - IX веков: этюды рынка. - Харьков, 2001.
11. Сорочан С. Б. О политической роли и идейной ориентации торгово-ремесленного населения Византии в эпоху иконоборчества // ВХУ. – 1992. – № 363: История. – Вып. 26.
12. Сорочан С. Б. Понятие "прибыль" и размеры торгово-ремесленных доходов в раннесредневековой Византии // Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В. И. Кадеева. – Харьков, 1997.
13. Сорочан С. Б. Случайность или система? Раннесредневековый византийский «меркантилизм» // Древности-1995. - Харьков, 1995.
14. Сюзюмов М. Я. Предпринимательство в византийском городе // АДСВ. – 1966. – Вып. 4.
15. Сюзюмов М. Я. Экономические воззрения Льва VI // ВВ. – 1959. – Т. 15.
16. Хвостова К. В. Византийская цивилизация // ВИ. – 1995. – № 9.
17. Хвостова К. В. Византизм "оправдание жизни" // ВВ. – 1998. – Т. 55 (80). – Ч. 2.
18. Хвостова К. В. Общие особенности византийской цивилизации. // Исследовано в России. Investigated in Russia. Электронный научный журнал. <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/1988/006.pdf>.
19. Хвостова К. В. Особенности византийской цивилизации // Сравнительное изучение цивилизаций мира. – М., 2000.
20. Хвостова К. В. Развитие правовых понятий в эпоху Средних веков // ВФ. – 2004. – № 1.
21. Хвостова К. В. Сакральный смысл наименования некоторых византийских социально-экономических институтов // ВВ. – 2000. – Т. 59 (84).
22. Хвостова К. В. Социальная информация в общественных отношениях в Византии // ВИ. – 2003. – № 11.
23. Хвостова К. В. Социально-экономические процессы в Византии и их понимание византийцами-современниками (XIV – XV вв.). – М., 1992.
24. Хвостова К. В. Способы функционирования византийской цивилизации во времени // Цивилизации. – Вып. 3. – М., 1995.
25. Laiou A. E. Economic Thought and Ideology // ЕНВ.
26. Magoulias H. J. The Lives of Saints as a Sources of data for the History of Commerce in the Byzantine Empire in the Sixth and Seventh Centuries // Kléronómia. – 1971. – Т. 3.
27. Magoulias H. J. Trades and Crafts in the Sixth and Seventh Centuries as Viewed in the Lives of the Saints // BS. – 1976. – Т. 37. – F. 1.

РУССКИЕ ДУХОВНЫЕ СТИХИ - СОХРАНИТЬ ДЛЯ ПОТОМКОВ

Уровень культуры эпохи, как и отдельного человека, определяется отношением к прошлому. Возродить духовность невозможно, отсекая некоторые пласты духовной культуры. В этом контексте необходимость освоения фольклора очевидна.

Принятый в нашей фольклористике термин «духовные стихи» объединяет разнообразный по форме и содержанию материал. Так как в наибольшей мере изучением данного жанра занимались филологи, то сошлемся хотя бы на определение Ю.А.Новикова. К этому жанру он относит и так называемые «старшие» стихи, испытывавшие сильное воздействие былин, и произведения лирико-эпического и лирического характера, бытовавшие некогда на территории почти всей России; и сравнительно поздние, связанные с традициями виршевой поэзии, старообрядческие псалмы и религиозные песни сектантов. Их объединяет общность тематики, генетическая связь со средневековой литературой, известная доля назидательности. Во всем остальном – начиная от идейной направленности и проблематики и кончая языком – разные группы духовных стихов иногда довольно резко отличаются друг от друга, и, естественно, их роль в духовной культуре народа далеко не равнозначна.

История духовных стихов весьма сложна и интересна. Их истоки мы находим в христианской литературе, которая стала активно проникать на Русь после ее крещения в конце 10 века из Греции и Болгарии. Состав этой литературы не ограничивался только книгами Священного Писания (Ветхий и Новый завет) и сочинениями отцов церкви. Существовал огромный пласт неканонической (еретической), то есть не признаваемой официальной церковью литературы.

Можно предположить, что создателями и исполнителями духовных стихов в Древней Руси были калики (или калеки) переходные, паломники по святым местам и монастырям. Переходя от дома к дому, они распевали духовные стихи, о самых популярных персонажах и событиях священной истории, о христианских святых, зарабатывая тем самым себе на хлеб. В старину калики ходили ватагами и, как самостоятельное общество, имели своего вожака или атамана. Вооруженные клюками, они не только просили себе подаяния, но и брали его в бою. Это было общество кочевое, мепоседное, постоянно идущее к святым местам, даже в Иерусалим, или оттуда возвращавшееся восвояси. Без сомнения, случались между ними обманщики, которые под видом благочестивого хождения к святым местам скрывали свою охоту к бродяжничеству. Историю калик переходных можно проследить на протяжении многих веков, но в последствии на их место заступают слепые